

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, предлагаемая вниманию читателя, — не учебник и не учебное пособие в обычном смысле этого слова. Она представляет собой собрание статей, предназначавшихся для печати и в подавляющем большинстве опубликованных между 1970-м и 1990 годами, посвященных различным вопросам истории и теории культуры — дисциплины, курс которой автор читает, начиная с 1986 г., в различных вузах Москвы. Статьи расположены в соответствии с авторской программой данного курса и охватывают три ее раздела: общетеоретическое введение; античный тип культуры; культура Древнего Рима. Публикация книги в таком ее виде обусловлена существующим сегодня положением с преподаванием теории и истории культуры в учебных заведениях России.

Дисциплина эта введена в настоящее время в качестве обязательной во всех вузах страны и в порядке местной инициативы все чаще преподается также в средних школах, особенно в гимназиях и лицеях. Предмет этот, как показало, в частности, Всероссийское совещание педагогов, его преподающих, в июне 1991 г., прочно вошел в практику учебной работы и вызывает повышенный интерес студентов, а кафедры, им ведающие, нередко становятся центрами широкой культурной деятельности в масштабах города и области. Курсы теории и истории культуры заменили в основном былой цикл общественно-политических дисциплин с их крайней и односторонней идеологичностью, в то же время продолжив одну из лучших традиций российских университетов — сочетание специальной подготовки с широким общим образованием. Поддержка этого нововведения и его совершенствование — важная и актуальная задача.

На пути ее решения немало трудностей, и одна из главных — почти полное отсутствие учебной литературы. Между тем именно при преподавании теории и истории культуры обилие и разнообразие литературы по курсу становится одним из главных условий и приобретает особое значение, что связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, в отличие от любого другого предмета учебного плана, данная дисциплина как таковая ранее никогда и нигде не преподавалась и не имеет сколько-нибудь прочных, общепризнанных традиций, так что педагог, которому поручен данный курс, не имеет возможности опереться при подготовке лекций хотя бы даже на свои аспирантские или студенческие записи. Он всецело зависит от опубликованных материалов по

курсу, и эти материалы ему надо дать возможно скорей, не дожидаясь, пока будут написаны, обсуждены, апробированы и изданы учебники и пособия, планируемые министерствами и ведомствами. Второе обстоятельство заключается в том, что этот курс и по природе своей, и по условиям преподавания не может быть единым, не может читаться по общей для всех вузов обязательной программе и иметь стереотипную структуру. Советам вузов предоставлено право утверждать свою программу данного курса, представленную специальными кафедрами и наиболее полно соответствующую местным потребностям. В этих условиях кафедра и преподаватель должны иметь перед собой множество комплектов учебных материалов, основанных на различных концепциях предмета, с тем чтобы иметь возможность выбрать среди них наиболее подходящий. Такого множества комплектов в настоящее время не существует, и в качестве их временной замены мы предлагаем один из возможных вариантов курса и тематический материал по некоторым его разделам.

В общем курсе теории и истории мировой культуры перечисленные разделы программы и материалы, их иллюстрирующие, занимают свое вполне определенное и ограниченное место. В идеале и в принципе такой курс должен включать по крайней мере семь частных, специализированных разделов, посвященных соответственно: отечественной культуре; культуре Западной Европы; дальневосточно-азиатскому культурному кругу, включая Китай и Индию; культуре древнего Переднего Востока и сменившей ее здесь культуре исламского мира; Черной Африке; доколумбовой Америке; региональной культуре по месту расположения вуза. На практике, однако, трудно предположить существование вуза, располагающего такими универсальными преподавательскими кадрами высокой квалификации и такими резервами учебного времени, которые могли бы уже сейчас обеспечить выполнение этой схемы. В реальных условиях большинство вузов знакомит студентов с общей характеристикой культуры как категорией общественного бытия и с основными явлениями традиционной истории культуры, т. е. с социокультурными эпохами, идеями, образами, художественными стилями, сменявшими друг друга в истории Европы, и России в том числе, от античности до наших дней. Материалы предлагаемой книги покрывают, как указывалось, два или три раздела такого обычного курса: общее введение, античный тип культуры и — для тех аудиторий, которые заинтересованы в более глубоком изучении античности, — культура Древнего Рима.

В материалах, связанных с вводным разделом, развивается общая концепция, лежащая в основе курса. Говоря вкратце, она состоит в следующем. Культура как форма общественного сознания отражает

характер и структуру общества всегда состоящего из индивидов, самовоспроизводящих себя в процессе повседневной практики, и из надындивидуальных норм и представлений, основанных на обобщении этой практики и регулирующих поведение этих индивидов в процессе той же практики. Культура охватывает обе эти сферы и, соответственно, знает как бы два движения — «вверх», к отвлечению от повседневных бытовых забот и обобщению жизненной практики в идеях и образах, в науке, искусстве и просвещении, в теоретическом познании, и «вниз» — к самой этой практике, к регуляторам повседневного существования и деятельности — привычкам, вкусам, стереотипам поведения, отношениям в пределах социальных групп, быту и т. д.

В пределах первого из указанных типов культура воспринимает себя и воспринимается обществом как *Культура* «с большой буквы». Отвлеченная от эмпирии повседневного существования и бесконечности индивидуального многообразия, типизирующая и обобщающая свой материал, она тяготеет к закреплению в традиции и к официализации, к респектабельности, к профессионализации деятелей, ее создающих, к восприятию более или менее подготовленной аудиторией и в этом смысле — к элитарности. В пределах второго из указанных типов культура растворена в повседневном существовании и его эмпирии, в материально-пространственной и предметной среде, как правило, не воспринимает себя как *Культуру* в первом, респектабельном смысле и тяготеет к тому представлению о ней, в соответствии с которым употребляют это слово археологи, т. е. имея в виду совокупность характеристик практической, производственной и бытовой жизни данного общества в данную эпоху. В своем бытии *И* в своей истории культура двуедина, тяготея, с одной стороны, к духу и *Культуре*, с другой — к жизни, повседневности и быту.

В вводный раздел книги включены две статьи, обосновывающие и раскрывающие эту внутреннюю диалектику культуры, — «Диалектика повседневности» и «Проблема контркультуры». Другие статьи, относящиеся к «Введению», преимущественно развивают тему «второй», «низовой» культуры, культуры повседневности. Предполагается, что явления и проблемы «первой», высокой, культуры входят, скорее, в сферу истории искусства и литературы, науки и просвещения и могут быть с большим успехом освещены специалистами соответствующих кафедр, тогда как рассмотрение культуры в ее жизненных опосредованиях и контекстах есть специфическое дело культуролога.

Первый вопрос, при этом возникающий, состоит в том, на каком языке выражают повседневность и быт свои культурные смыслы: культурное содержание «Евгения Онегина» или Сикстинской мадонны понятны без специальных разъяснений, но как относятся к культуре

покрой брюк или обеденное меню, формы досуга или времяпрепровождение в дружеском кружке и относятся ли они к культуре вообще, а если да, то в чем именно их культурный смысл и на каком «языке» он выражается, — все это без специального анализа остается непонятным. Разъяснению и анализу такого рода «языков» посвящены статьи о семиотическом языке бытовых вещей, о «воображении знака», о понятии архетипа в связи с категориями внутреннего пространства дома или города. Материалом здесь в большинстве случаев служат явления повседневной действительности, знакомые студенту из собственного опыта, или произведения искусства, памятники которого широко известны и доступны каждому либо в оригинале, либо в распространенных репродукциях. Если лектор сочтет нужным познакомить студентов также с другими сторонами культуры повседневности, сказывающимися на общественном поведении личностей и масс — такими, как социально-исторические мифы, малые социальные группы, престиж и мода, — материал этот он найдет в соответствующих статьях античного и древнеримского отделов книги.

Работа над перечисленными выше культурными явлениями показывает, что бытие культуры регулируется особыми механизмами, подчас ускользающими от прямого и простого рационально-логического анализа и требующими иных подходов. Таким особым механизмам посвящены статьи о внутренних формах культуры и об энтелехии, а тем подходам к изучению культуры, которых эти механизмы требуют, — статья о путях, перспективах и проблемах современного общественно-исторического познания.

Материалы по античности и Древнему Риму исходят из того же представления о двуединстве культуры, которое было обосновано в первом разделе книги, и как бы развивают его на конкретном материале. Отсюда такие статьи, как «Римский обед», «Семантика одежды», «Городская теснота», «Жизнь в Риме в эпоху Ранней империи». В то же время в этой части сборника в плане теории и истории культуры (а не с литературоведческих или историографических позиций) подробно рассматриваются жизнь и творчество самых значительных представителей и высокой духовной культуры Древнего Рима — Цицерона, Тита Ливия и Тацита. Соединение в одной книге современной культурологии и античного Рима только на первый взгляд может показаться искусственным или случайным. Мы смотрим на прошлое сегодняшними глазами и можем задать ему лишь те вопросы, которые порождены общественным и культурным опытом, нами пережитым. Наш подход к культуре прошлого может оказаться научно актуальным и, главное, новым, только если он отражает этот взгляд и этот опыт. Поэтому разбор социокультурной ситуации конца XX века и специфического

языка культур, читать который мы в этой ситуации научились, есть естественная и необходимая предпосылка всякого содержательного анализа культуры любого исторического периода.

Статьи, вошедшие в сборник, писались в разное время и предназначались для изданий, различных по характеру и уровню. Они не перерабатывались для настоящего издания и сохраняют все особенности и все реалии времени своего создания или первой публикации. Наряду с текстами научно-популярного характера, вполне доступными студенту-первокурснику, вроде литературного портрета Корнелия Тацита, вроде того, что посвящен жизни в Риме в эпоху Ранней империи или рассказывает о современных методах исследования истории общества, в книге содержатся теоретические статьи из академических изданий; они требуют специальной подготовки и, естественно, предназначены не для студента, а для преподавателя. Напомним, что книга задумана не как учебник, а лишь как собрание тематических материалов в помощь лектору и студенту и потому предполагает выборочное их использование. С этим последним обстоятельством связано сохранение в материалах книги многочисленных повторов: используя тот или иной очерк, читатель должен получить весь объем нужных ему сведений по данной теме, и частичное повторение их в соседнем очерке вряд ли будет для него важно.

Наконец, несколько слов об одной из самых трудных методических проблем, связанных с данным курсом, — проблеме материала для анализа. Дело в том, что, как всякая наука, культурология имеет дело с определенными обобщениями, категориями, закономерностями и не может сводиться только к занимательным рассказам о жизни и художественной культуре былых эпох (хотя в отдельных случаях именно такое построение курса бывает наиболее целесообразным). Но обобщения и закономерности должны опираться на конкретный материал, возникать из фактов и образов истории искусства, науки, общества в целом. Между тем именно этот материал, эти факты и образы во многих случаях студентам известны недостаточно или даже неизвестны вовсе, и преподавателю опереться более или менее не на что. Трудность эта связана с самой природой данного учебного курса и возникает повсеместно и постоянно. На гуманитарных факультетах ее обычно обходят таким образом, что курс теории и истории культуры располагается в учебном плане после курсов гражданской истории, истории литературы и искусства. На естественно-научных факультетах и в технических вузах в основу курса теории и истории культуры нередко кладутся материалы истории естествознания, техники, дизайна, известные студенту из лекций по предметам его будущей специальности. (Заметим в скобках, что такое построение предполагает у преподава-

телей профилирующих технических и естественно-научных дисциплин хорошее знание проблем и методов истории и теории культуры, что имеет место далеко не всегда.) В других случаях кафедры становятся на упомянутый выше путь «занимательных рассказов». Все эти подходы имеют свои достоинства и свои недостатки и в зависимости от условий оказываются более или менее возможными и целесообразными. Невозможно и нецелесообразно только одно — превращение теории и истории культуры в набор мертвых и скучных абстракций, назидательных прописей. Курс может выполнить свое назначение, лишь если он учитывает личный, культурный, общественный опыт студентов, опирается на него, раскрывает культурный смысл — положительный или отрицательный — процессов реальной жизни, воспитывает убеждение в том, что культура в разных своих формах пронизывает окружающую действительность, былую и современную, и составляет одну из основных ее ценностей, — все дело в том, чтобы научиться слышать ее голоса и читать ее тексты. Из этого убеждения исходил автор настоящей книги.